

К 65-летию Великой Победы

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНОВ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1943 ГОДАХ<sup>1</sup>**

*Л.А. Болокина*

Автор рассматривает некоторые аспекты повседневной жизни населения оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны; политика оккупантов и поведение местного населения; анализируются различные виды коллаборационизма и социальный состав сотрудничавших с врагом групп калининцев.

Ключевые слова: война, коллаборационизм, комендатура, оккупация, повседневная жизнь, староста.

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что в советской историографии жизнь населения на оккупированных в годы Великой Отечественной войны территориях СССР освещалась скупо и односторонне. Вышло большое количество работ о сопротивлении советского народа захватчикам. Среди прочего они дают представление о целях, содержании, формах и средствах контрпропаганды, с помощью которой советское правительство пыталось воздействовать на сознание оставшихся в оккупации людей<sup>2</sup>. В исследованиях М.М. Загорулько и А.Ф. Юденкова подробно раскрыты различные способы, применявшиеся партией для срыва экономических и политических мероприятий захватчиков в зоне оккупации<sup>3</sup>. При анализе созданного немцами оккупационного режима основное внимание авторов сосредоточивалось на бесчеловечной системе эксплуатации людей, зверствах, насильственных угонах в Германию, что усиливало стремление населения к сопротивлению.

С учётом сказанного можно выделить работы историка А.И. Залесского, в которых наряду с материалами о борьбе колхозников против гитлеровцев на территории Белоруссии и на Смоленщине присутствуют сведения об условиях быта населения в оккупации<sup>4</sup>.

Касаясь проблемы коллаборационизма, авторы, как правило, ограничивались указанием на уозсть прослойки предателей и их социальную принадлежность, а

<sup>1</sup> Рецензент: д.и.н., профессор Т.Г. Леонтьева.

<sup>2</sup> Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1965; Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944). М., 1971; Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР, 1941–1944 гг. М., 1988 и др.

<sup>3</sup> Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970.

<sup>4</sup> Залесский А.И. В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941–1944) М., 1962; *Он же*. Героический подвиг миллионов в тылу врага. Помощь населения партизанских зон народным мстителям. Минск, 1970.

также на вынужденный характер сотрудничества с врагом. К их числу относились раскулаченные, буржуазные националисты, уголовные элементы и т. д.<sup>5</sup> Упоминания об отдельных случаях проявления антисоветских настроений и сотрудничества с оккупантами в занятых немцами районах не позволяли рассмотреть истинную картину происходившего в те годы.

Современные исследования частично восполнили пробел в изучении темы повседневной жизни населения оккупированной в ходе войны территории. В работах Б.В. Соколова подняты такие темы, как особенности и просчёты немецкой оккупационной политики на завоёванных территориях СССР, степень эффективности нацистской пропаганды, отношение местных жителей к новой власти, деятельность партизан и взаимоотношения их с населением<sup>6</sup>. Автор отмечает, что часть советских граждан с надеждой встречала войска вермахта не только на территориях, присоединившихся к СССР накануне войны, республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, но и в других регионах, а доля сотрудничавших с оккупантами была гораздо более значительной, чем представлялось в трудах советских историков.

В 1990-х гг. в российской историографии проявился активный интерес к теме коллаборационизма. М.И. Семиряга дал чёткую типологию коллаборационизма, выделив его бытовую, административную, экономическую и военно-политическую составляющие<sup>7</sup>. Рассматривая обозначенный вопрос, Б.Н. Ковалёв предложил более подробную классификацию, отдельно охарактеризовав детский, половой, национальный, духовный, интеллектуальный, идеологический коллаборационизм<sup>8</sup>. К теме сотрудничества с оккупантами обращался И.Г. Ермолов, проследивший возникновение и эволюцию военно-политического и административного коллаборационизма на территории СССР, в том числе в отдельных районах Калининской области<sup>9</sup>.

Стоит отметить, что в современной российской историографии проблематика повседневной жизни населения в оккупированных и прифронтовых районах в условиях войны изучается прежде всего на региональном уровне<sup>10</sup>. В Тверской об-

<sup>5</sup> Загорюлько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированных территориях СССР. М., 1980; Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944. М., 1976.

<sup>6</sup> Соколов Б.В. Цена Победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; Он же. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.

<sup>7</sup> Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

<sup>8</sup> Ковалёв Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

<sup>9</sup> Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на территориях СССР в 1941–1944 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2005.

<sup>10</sup> Дружинина-Зайцева М.Г. Деятельность местных органов власти по организации повседневной жизни населения прифронтового Мурманска в период Великой Отечественной войны: 22 июня 1941 – октябрь 1944 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Коровин В.В. Организация сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2008 и др.

ласти изданы сборники документов и воспоминаний, которые содержат сведения о скрытых ранее сторонах жизни населения в зоне оккупации<sup>11</sup>.

В данной статье на основе архивных источников рассматриваются некоторые аспекты повседневной жизни населения оккупированных в годы Великой Отечественной войны районов Калининской области.

В начале войны западные районы Калининской области (большинство из которых в настоящее время входит в состав Псковской области) были заняты противником. К середине октября 1941 г. из 69 районов области 38 оказались в оккупации. Часть районов советские войска освободили в декабре 1941 – феврале 1942 г. В другой части захваченных врагом районов оккупация продлилась до 1943–1944 гг. В течение этого времени захватчики предприняли попытку организовать жизнь населения по собственным установлениям, а жители имели возможность оценить условия существования при новом режиме.

Административно-территориальное деление оккупированной зоны совпадало с советским. Разница заключалась лишь в том, что районы немцы часто называли уездами, а территории сельских советов переименовали в волости. Жители одной деревни составляли сельскую общину. Крупные города были поделены на районы. Например, в Калинин выделили 8 районов, которые в свою очередь состояли из участков и кварталов<sup>12</sup>.

Структура хозяйственных и административных органов при немцах была примерно следующей. В городах и районах создавались городские и районные управы, возглавляемые бургомистрами. Управы состояли из отделов. Как правило, присутствовали общий (канцелярия), финансовый, транспортный, строительный, сельскохозяйственный (земельный) отделы, а также отдел просвещения, здравоохранения и др. В областном центре за два месяца оккупации было создано 16 отделов. В городских кварталах назначались квартальные, а в многоквартирных домах – коменданты. На уровне волости существовали волостные старшины, местами волостные управы. Сельскую общину возглавлял староста деревни. Необходимо отметить, что органы местной гражданской власти были подчинены немецким военным властям. В городах и районных центрах немецкие военные власти были представлены: 1) комендатурами – военные и хозяйственные, которые главным образом издавали приказы и распоряжения, проводили совещания с бургомистрами, выдавали пропуска, организовывали карательные экспедиции, ведали хозяйственными делами; 2) отделениями гестапо или ГФП (тайной полевой полиции) – в их функции входило насаждение агентуры среди населения, изучение настроений и прежде всего отслеживание антигерманских настроений, выявление коммунистов и партизан, участие в карательных экспедициях против партизан; 3) полевыми жандармериями, чьи обязанности заключались в борьбе с нарушениями установленных немцами порядков, расследовании уголовных дел, патрулировании жилых городских кварталов, в осмотре частных квартир, проверке документов, выявлении коммунистов и партизан; 4) полицией безопасности СД, занимавшейся

<sup>11</sup> Нам выпало на долю... Война в письмах, дневниках, воспоминаниях: Сб. документов и материалов / Гл. ред. Д.А. Ефремов. Тверь, 2005; Никто не создан для войны...: Сб. воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны / Общ. ред. О.К. Ермишкина. Тверь, 2005; Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны: Сб. науч. ст. и воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны / Ред. С.Н. Смирнов. Тверь, 2005.

<sup>12</sup> Ермолов И.Г. Органы самоуправления на оккупированных территориях РСФСР // Российская история. 2009. №1. С. 136.

в числе прочего контрразведывательной деятельностью<sup>13</sup>. Встречались и исключения, например, на территории Серезинского района вообще не существовало учреждений, созданных немцами, а был только «представитель от Торопецкой сельхозкомендатуры» агроном из Серезинского района, который проводил назначения старост. В январе 1942 г. он был убит партизанами<sup>14</sup>.

Для налаживания более эффективного управления в г. Калинин при ГФП учредили отдел по изучению структуры и работы местного советского аппарата с целью выявления и устранения недостатков проводимого курса, особенно в области сельского хозяйства<sup>15</sup>. Этот факт подтверждает то, что немцы имели представление о недовольстве политикой коллективизации среди крестьян.

В городах обычно вводился режим, согласно которому хождение жителей по улицам ограничивалось определённым временем, зимой примерно с 9.00 до 16.00 или 17.00, летом с 5.00 до 20.00. На оккупированной территории немцы проводили регистрацию населения, учитывая трудоспособных по полу, возрасту, стажу, профессии для использования на различных работах. В городах открывались биржи труда. За уклонение от учёта полагался штраф или тюрьма. Согласно приказам бургомистра, в г. Калинин должны были самостоятельно явиться на регистрацию прежде всего инженеры, техники, чертёжники, механики, слесари, монтажники, врачи, медсёстры, фармацевты, рабочие мельниц, хлебозаводов, а также владеющие немецким языком<sup>16</sup>. В части районов местным жителям выдали паспорта на немецком языке, а к советским документам – обязательно с фотографиями – выдавали временные удостоверения, действительные в пределах волости. В случае перемещения на другие территории требовалось получить пропуск в комендатуре<sup>17</sup>.

В оккупированной зоне немцы старались восстановить производство на промышленных предприятиях городов и посёлков, наладить работу торговли и организаций, оказывающих услуги населению. Так, в Новоржевском районе функционировали кожзавод и маслозавод, в Опочечком районе работали маслозавод, баня, прачечная, ресторан<sup>18</sup>. В г. Великие Луки были открыты два магазина от городской управы, три частных магазина и один немецкий магазин, предназначенный только для военнослужащих вермахта. На территории района действовал завод по ремонту танков и орудий по типу концентрационного трудового лагеря, из которого рабочих не выпускали к своим семьям<sup>19</sup>.

В Новосокольническом районе работали электростанция, железнодорожное депо, МТС, вагоноремонтный пункт, молочный завод, больница, открылись три церкви. В районе также существовали рабочие лагеря со строгим режимом<sup>20</sup>. Занятым на работах выдавали 250 г хлеба в сутки, нетрудоспособным по 150 г. Других продуктов население не получало<sup>21</sup>. В г. Идрице производилась разработка

<sup>13</sup> Тверской Центр документации новой и новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 74.

<sup>14</sup> Архив управления ФСБ по Тверской области (далее – АУ ФСБТО). Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 177.

<sup>15</sup> Там же. Д. 13а. Л. 6.

<sup>16</sup> Там же. Л. 12.

<sup>17</sup> ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 10.

<sup>18</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 33, 37.

<sup>19</sup> Там же. Л. 31.

<sup>20</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 26, 27; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 73.

<sup>21</sup> ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 73.

торфа, действовали льнозавод, кирпичный и лесопильный заводы, продукция которых вывозилась в Германию<sup>22</sup>.

В г. Невеле немцы восстановили работу железнодорожной станции, консервного и плодоягодного заводов, щетинной фабрики, лесозавода, кожзавода, пивзавода. По сравнению с советским временем коллективы данных предприятий сократились в несколько раз. Согласно документам, если до войны на консервном заводе трудились до тысячи человек, то при немцах 100 человек, на щетинной фабрике число работников уменьшилось с 800 до 200 человек<sup>23</sup>.

В Бежаницком районе оккупанты открыли больницу для гражданского населения и четыре медицинских пункта<sup>24</sup>. По сведениям источников, в некоторых районных амбулаториях прием стоил 10 руб.; визит врача на дом обходился в 20 руб., а лечение в стационаре 20 руб. в сутки помимо стоимости медикаментов<sup>25</sup>. Бесплатное лечение получали полицейские.

Почти во всех оккупированных райцентрах и в некоторых населённых пунктах открывались школы. Кое-где завозили новые учебники, но в основном обучение велось по советским учебникам, исправленным по указаниям местных командатур. Везде, даже в задачниках исключалась советская лексика. Производилась замена слов: колхоз превращался в деревню, колхозник – в крестьянина, товарищ – в гражданина или господина, СССР – в Россию, советский – в русского и т. д.<sup>26</sup> В качестве одного из основных предметов в школах вводился закон Божий, который преподавали старые служители культа. Кроме того, изучался немецкий язык, а местами вводились физические наказания<sup>27</sup>.

К преподаванию частично привлекались прежние учителя, которым не удалось эвакуироваться. Их зарплата в некоторых районах составляла 300 руб. в месяц и 200 г хлеба в сутки, однако на её выплату вводился «культурный налог» в размере 30 руб. с хозяйства, собрать который было очень сложно<sup>28</sup>. В источниках зафиксировано быстрое снижение посещаемости школ учащимися<sup>29</sup>.

В сельской местности нововведения включали различные меры. В ряде районов были образованы сельскохозяйственные управы. Так, в Невельском районе подобная управа включала землеустроительный, агрономический, животноводческий отделы и МТС. Главной задачей первого из них было проведение закона о «земельной реформе»<sup>30</sup>.

Изучение источников показывает, что заявленная новой властью земельная реформа так и не осуществилась на деле. Местами колхозы были распущены, их имущество роздано населению, в большей части тем, кто активно сотрудничал с немцами<sup>31</sup>. Вместо них введено так называемое индивидуальное землепользование, для чего землю разделили по едокам с учётом числа трудоспособных в семье.

<sup>22</sup> ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 25, 67.

<sup>23</sup> Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1154. Л. 80, 140.

<sup>24</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 25; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 136.

<sup>25</sup> Подвиги народных мстителей. Партизанское движение в Калининской области 1941–1944 гг. Документы и материалы / Сост. В.А. Туркин, А.В. Егорова. М., 1966. С. 52.

<sup>26</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 4, 5.

<sup>27</sup> ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 136.

<sup>28</sup> Подвиги народных мстителей... С. 52, 78.

<sup>29</sup> ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1154. Л. 81, 142.

<sup>30</sup> Там же. Л. 60.

<sup>31</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 27, 37–40; ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 117. Л. 2.

Обработать эти участки оказалось трудно из-за нехватки тягловой силы. Другая часть коллективных хозяйств фактически сохранилась и при немцах, послужив готовой структурой, облегчавшей управление.

Местами сельскохозяйственные управы создавали так называемые показательные хозяйства или «земские дворы», которыми руководили немцы («зондерфюреры»). В Невельском районе подобные хозяйства были образованы в бывших совхозах «Еменец», «Зубарево», «Лехово», в Кудеверском районе – у поселка Бардово. На этих территориях крестьяне лишались земли и насильно привлекались к работе в «имениях». Они зачислялись в качестве батраков, а работу называли барщиной. В хозяйства передавался лучший племенной и рабочий скот, техника<sup>32</sup>.

В некоторых районах действовали «штабы германской власти по укреплению крестьянских дворов», которые должны были прежде всего заниматься снабжением немцев продуктами, но кроме этого ещё вели агитацию, выявляли коммунистов и партизан и т. д. Начальником такого штаба в Старицком районе стал 40-летний колхозник, его заместителем – бывший председатель сельсовета, секретарём – 19-летняя учительница немецкого языка, старшим уполномоченным – колхозный счетовод. В Погорельском районе начальником штаба назначили 40-летнего пекаря сельпо, а секретарём – 30-летнего директора школы<sup>33</sup>.

На оккупированной территории немецкие власти установили достаточно высокие денежные налоги. Так, в Идрицком районе на каждого трудоспособного налог составлял от 300 до 750 руб., в Кудеверском районе – 100 руб. с человека и 25 руб. с собаки<sup>34</sup>. Местами даже пытались провести регистрацию собак и взыскать с их владельцев налог в размере 75 руб. в год с дворовой собаки и 150 руб. с промышленной<sup>35</sup>. В Пустошкинском районе кроме 120 руб. с каждого трудоспособного в год требовалось платить за собак, кошек, окна и трубы в доме<sup>36</sup>.

Кроме того, проводились заготовки продовольствия. В Кудеверском районе нужно было сдать 360 л молока с коровы, 40 яиц с курицы, а также 60 пудов сена с хозяйства, в Пустошкинском и Идрицком – 400 л молока с коровы, 50 яиц с курицы. В Невельском районе нормы были следующими: с одного гектара – 362 кг зерна, 4100 кг картофеля, 200 кг овощей. С каждого двора требовалось сдать 150 яиц, 5 кур, 200 кг мяса, 1,1 кг шерсти и 400 л молока с коровы<sup>37</sup>. В Локнянском районе хлебопоставки с крестьян были установлены в размере 5,5 ц/га хорошей урожайности и 4,5 ц/га средней урожайности, а также 3,5 ц/га сена. Солому следовало сдавать полностью<sup>38</sup>. Как свидетельствуют документы, в Новосокольническом районе немцы забирали в качестве налогов до 90 % урожая<sup>39</sup>.

Весьма интересные результаты даёт знакомство с архивными материалами, содержащими информацию о социальной принадлежности людей, служивших в органах управления при немцах. Известно, что оккупанты предпочитали назначать на различные должности лиц немецкой национальности или подвергавшихся ре-

<sup>32</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 40; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1154. Л. 60.

<sup>33</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 13а. Л. 9.

<sup>34</sup> Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 39.

<sup>35</sup> Подвиги народных мстителей... С. 81.

<sup>36</sup> Смирнов В.И. Подвиг советского крестьянства. М., 1976. С. 131; ТЦДНИ. Ф. 479. Оп.1. Д. 641. Л. 9.

<sup>37</sup> ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1154. Л. 81, 140 об.; Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 9.

<sup>38</sup> Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 26 об.

<sup>39</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 27.

прессиям при советской власти. Однако внимательный анализ документов позволяет составить более точное представление о происхождении, жизненном пути, профессии и других характеристиках названных лиц.

Так, тверским бургомистром (напомним, что захватчики вернули областной столице прежнее название Тверь) стал дворянин, бывший офицер армии А.В. Колчака. При советской власти он был выслан в административном порядке из Ленинградской области как «социально чуждый элемент» и работал в Калининском инженерном городском коммунального хозяйства. В г. Невеле на аналогичный пост назначили немца по национальности, в прошлом жителя Москвы<sup>40</sup>. В г. Великие Луки должность бургомистра занял агроном, в г. Себеже – бывший работник районного земельного отдела, в г. Опочке – бывший техник городского совета и землемер, а в г. Пустошке – деревенский кузнец. В пос. Бежаницы, по одним источникам, оказался назначен заведующий пивной, по другим – заведующий столярной мастерской. В пос. Кудеверь бургомистром стал сын зажиточного крестьянина из соседнего района, получивший образование в одном из ленинградских институтов и работавший до войны учителем математики и физики в Кудеверской школе. В г. Новосокольники в должности бургомистра побывали заведующий магазином, адвокат, бухгалтер<sup>41</sup>.

В подчинении у бургомистров находились их заместители и заведующие отделами районных и городских управ. Назначением на эти должности часто занимались сами бургомистры. При подборе кандидатур ставка делалась на людей, чья профессиональная принадлежность в какой-то степени соответствовала профилю отдела. Например, в г. Торопце отделом сбыта городской управы руководил школьный счетовод, финансовым отделом – бывший бухгалтер конторы «Заготлен»; в г. Новосокольники общим отделом заведовала бывшая пионервожатая, отделом образования – учитель, дорожным отделом – бывший работник районного дорожного отдела, отделом здравоохранения – военнопленный. В г. Опочке начальником жилищного отдела назначили бывшего работника городского совета, а управляющим банком – бывшего работника сберкассы. В г. Невеле заведующим торговым отделом стал бывший работник районного потребительского союза, строительным отделом – техник строительной конторы, отделом пригородного хозяйства – агроном, транспортным отделом – бывший заведующий хозяйством транспортного отдела Невельского горсовета, отделом регистрации актов гражданского состояния – работник ЗАГСа<sup>42</sup>. В г. Калининском отделе просвещения возглавлял бывший заведующий областным музеем, доцент педагогического института, транспортный отдел – бывший инженер прядильной фабрики им. Калинина, имевший орден Ленина<sup>43</sup>. Как видно из документов, в большинстве случаев это были мужчины старше 50 лет, т. е. не попадавшие под призыв в Красную армию. Очевидно, что значительную часть из них составляли бывшие работники советского аппарата.

Находились люди, стремившиеся продолжить свою карьеру при новом режиме. Так, в отдел по изучению советского опыта в сфере управления сведения о школьном, библиотечном деле, об устройстве системы здравоохранения, сельском

<sup>40</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.

<sup>41</sup> Там же. Л. 25, 28, 29, 31, 37–40; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 136.

<sup>42</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 29, 31, 32, 37; Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 154; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 74; Д. 1154. Л. 59.

<sup>43</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 13а. Л. 1, 2.

хозяйстве в Калининской области добровольно приносили бывшие специалисты из соответствующих сфер<sup>44</sup>. В частности, попросилась на работу член партии, бывшая судья Центрального района г. Калинин. Выполнив указание оккупационных властей и представив информацию об устройстве советских судебных органов, она получила рекомендацию на должность судьи при немцах<sup>45</sup>.

Стремление оккупантов привлечь к сотрудничеству лиц «немецкой национальности» приводило к тому, что судьбы этих людей оказывались трагичными. Далеко не все из них сами пошли на сотрудничество, однако многим пришлось согласиться под страхом расправы. В подобной ситуации оказалась 61-летняя немка, заведующая детским садом в г. Калинин. Приближение фронта заставило её уйти из города в деревню, но туда также явились оккупанты, и женщина вернулась в свой дом. 23 ноября 1941 г. к ней пришел немецкий солдат и приказал явиться в комендатуру. Две недели, с первого по тринадцатое декабря, женщине пришлось работать переводчицей, а в качестве дополнительной обязанности разбирать жалобы от населения. После ухода немцев доказать свою невиновность советской власти оказалось невозможно, и она была расстреляна<sup>46</sup>.

В состав районных и городских управ входили начальники полиции, хотя в некоторых источниках есть упоминания о том, что местами русская полиция была ликвидирована как отдел управы («отдел службы порядка») и переходила в подчинение полиции безопасности СД<sup>47</sup>. В обязанности русской полиции входила поддержка немецких порядков, охрана служебных помещений и объектов, патрулирование улиц, контроль за сбором налогов и исполнением распоряжений оккупационных властей, борьба с партизанами. При этом численность полицейских отрядов в различных районах колебалась от 6–11 до 60–70 чел.<sup>48</sup> Начальником полиции в областном центре стал бывший 56-летний царский ротмистр, заместителем его тоже бывший офицер царской армии в возрасте 43 лет<sup>49</sup>. Следователями полиции служили 45-летний юрист-консульт предприятия «Торгплодоовощ» и бывший работник милиции примерно того же возраста. Начальником смешанной тюрьмы был 30-летний работник вагонного завода<sup>50</sup>. Все они позже сбежали с немцами. Начальником полиции г. Торопца стал бывший бухгалтер конторы «Заготсено», в г. Новосокольники ту же должность занял кладовщик<sup>51</sup>.

В источниках сохранился поимённый список поступавших на работу в тверскую полицию. При заполнении анкет, видимо, некоторые указывали социальную и профессиональную принадлежность по родителям или по своим занятиям до революции, так как в списке из 173 фамилий наряду с бухгалтерами, переплётчиками, кладовщиками, портными, учителями, малярами, экономистами, статистами, архитекторами, официантами, вахтерами, кузнецами, печниками, сапожниками, слесарями и прочими встречаются купцы, торговцы и лакеи. Среди них были лю-

<sup>44</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 27901-с. Л. 11.

<sup>45</sup> Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345. Л. 229; Ф. 7849. Д. 27901-с. Л. 11

<sup>46</sup> Там же. Ф. 7849. Д. 27901-с.

<sup>47</sup> Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1154. Л. 58 об., 59.

<sup>48</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 24, 34, 35, 40, 41.

<sup>49</sup> Там же. Ф. 2. Оп. 150. Д. 13а. Л. 41, 42.

<sup>50</sup> Там же. Д. 13. Л. 18.

<sup>51</sup> Там же. Д. 21. Л. 154; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 74.



ди от 1885 до 1923 г. рождения, но преобладали представители более старшего возраста<sup>52</sup>.

Иногда полицейскими становились не по собственному желанию. В Кировском районе в с. Ельцы полицейскими были назначены 10 человек, среди них были учитель, экономист, колхозники, в том числе женщины. Оружия и формы они не носили, насилием не занимались, но приказы оккупантов выполняли<sup>53</sup>. После ухода немцев оставшиеся полицаи нередко превращались в обыкновенных бандитов<sup>54</sup>.

На территории ряда оккупированных районов (Бежаницкого, Идрицкого, Кудеверского, Себежского, Локнянского, Опочечского, Пустошкинского и др.) немцы формировали «Русские боевые добровольческие отряды», или ЕКА (Einwohnerkampfabteilungen), для борьбы с партизанами, охраны зданий, предприятий, эшелонов и мостов. На деле они участвовали также в грабежах и угонах населения в Германию. В состав отрядов входили обычные советские граждане и военнослужащие Красной армии, как содержащиеся какое-то время в лагерях для военнопленных, так и оказавшиеся недавно в окружении или в плену. Участники подобных карательных отрядов носили форму солдат немецкой армии, были вооружены винтовками, гранатами, иногда пулеметами и минометами. При вступлении в отряд произносили и подписывали клятву на верность гитлеровскому правительству. Руководителями отрядов, как правило, назначались немцы или бывшие советские военнослужащие, обученные на территории Германии. Они получали вознаграждение в размере 240 руб., семейные – 500 руб.<sup>55</sup> В источниках зафиксировано, что в Пустошкинском районе летом 1942 г. по невыясненным причинам зарплата полицейских была повышена с 400 до 720 руб., рядовых карателей до 1200 руб., а офицеров до 5000 руб. в месяц<sup>56</sup>.

В Себежском районе было создано 4 взвода по 18–20 чел., позднее общее количество дошло до 140 чел. Командовал ими немецкий оберфельдфебель. В Локнянском районе летом 1942 г. сформировался отряд численностью 60 чел., существовавший до начала 1944 г. Двадцати восьми из них, т. е. примерно половине, было от 15 до 23 лет<sup>57</sup>. В Новоржевском районе действовали два отряда, состоявшие из русских и эстонцев. В Пустошкинском районе отряд ЕКА насчитывал до 200 чел., в Новосокольниках действовали три отряда по 50 чел.<sup>58</sup>

При наступлении Красной армии многие члены отрядов ЕКА из г. Себежа вместе с семьями эвакуировались в г. Ригу, там были разоружены, переправлены на территорию Польши, Италии, Франции, воевали в немецкой армии на Западном фронте<sup>59</sup>. Большая же часть карателей оставалась в пределах Калининской области, и после окончания войны они были арестованы советскими органами.

Рассматривая штат работников аппарата волостного старшины, заметим, что он обычно сводился к заместителю старшины, писарю и отряду полицейских из нескольких человек. Обязанности старшин и старост заключались в учёте населе-

<sup>52</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 13а. Л. 41–49.

<sup>53</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 30385-с. Л. 5.

<sup>54</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 77.

<sup>55</sup> Там же. Д. 40а. Л. 63, 64, 65; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 74.

<sup>56</sup> ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 22.

<sup>57</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 40а. Л. 58, 59.

<sup>58</sup> ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1954. Л. 74, 118, 124, 154.

<sup>59</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 40а. Л. 56.

ния, скота и земельных площадей, развёрстке налогов, сборе продуктов и вещей для немцев, организации сельскохозяйственных и иных работ, раздаче продуктов населению, распространении немецких листовок, газет, разъяснении и выполнении приказов немецких властей. Они должны были регулярно посещать немецкий штаб с отчётами. Кроме того, эти люди выполняли самые разнообразные поручения – от организации вечеринок до подбора специалистов для пошива одежды, ремонта обуви и других работ. Так, исполнявшему обязанности помощника старосты в деревне Ржевского района бывшему секретарю сельсовета, члену ВКП (б), пришлось самому шить рукавицы и вообще тёплые вещи для немцев, после того как стало известно, что он профессиональный портной<sup>60</sup>.

Учитывая то обстоятельство, что по общей величине контингент старост и волостных старшин был достаточно многочисленным, представляется интересным рассмотреть вопрос о социальном составе данной категории управленцев, способе их назначения и поведении в период нахождения в должности.

Значительную часть старост составляли бывшие советские руководители – председатели колхозов, главы и работники сельсоветов, другие должностные лица. Так, в Старицком районе, судя по документам, все председатели колхозов оставались на оккупированной территории, и из 237 человек 55 работали старостами, т. е. почти каждый четвертый<sup>61</sup>. Местами обязанности старост исполняли военнопленные и дезертиры. Так, в д. Карганово Зубцовского района старостой был пленный красноармеец, москвич, в 1942 г. уехавший в Германию<sup>62</sup>. В другой деревне этого же района старостой назначили 27-летнего дезертира, сознательно оставшегося в оккупации<sup>63</sup>.

Иногда назначались вовсе случайные люди, например беженцы из других мест, застигнутые оккупацией на территории Калининской области. Так, 26-летний житель Смоленской области побывал в должности старосты в д. Заборье Октябрьского района. Будучи старостой, он собрал для немцев не так много: четыре шубы, три пары портянок, четыре пары лаптей и три пуда ржи. После ухода немцев был арестован, бежал при этапировании, воевал в Красной армии и уже в 1944 г. вернулся по ранению, после чего следственное дело на него было прекращено<sup>64</sup>. В Кировском районе обязанности старосты короткое время выполнял 27-летний рабочий из Москвы, в первые дни июля 1941 г. направленный в Смоленскую область и попавший там в окружение. Оттуда он добрался до Калининской области, где в доме тёщи находилась его семья. Именно тёща настояла, чтобы он согласился на эту работу, так как она позволяла обеспечить семью продуктами<sup>65</sup>.

В большинстве случаев немцы сами проводили назначения на должность старосты. Прибыв в населённый пункт, они разыскивали с этой целью председателя колхоза или бригадира. Хотя оккупанты старались назначать недовольных советской властью, но подыскать таких людей удавалось не сразу. Например, в Луковниковском районе в д. Петрищево старостой стал крестьянин, раскулаченный в 1930-е гг. и вернувшийся из ссылки на Урал. Он беспрекословно выполнял все указания немецких властей, всячески содействовал сбору у населения скота, шер-

<sup>60</sup> ТЦДНИ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 2. Л. 1.

<sup>61</sup> Там же. Ф. 252. Оп. 1. Д. 289. Л. 3.

<sup>62</sup> Там же. Ф. 7849. Д. 26202-с. Л. 8, 14.

<sup>63</sup> Там же. Д. 24961-с. Л. 1.

<sup>64</sup> Там же. Д. 14630-с. Л. 3, 25.

<sup>65</sup> Там же. Д. 28696-с. Л. 8, 9.

сти и т. д. Перед уходом немцы сожгли всю деревню, кроме двух домов, один из которых принадлежал этому человеку<sup>66</sup>.

Выбор немцев также падал на участников Первой мировой войны, побывавших в немецком плену и хоть немного освоивших чужой язык<sup>67</sup>. Среди них были добровольно согласившиеся, которые после активно помогали оккупантам, такие, как староста из Луковниковского района, выдавший фашистам двух коммунистов-партизан. С 1914 по 1920 г. он провёл в плену в Германии, прекрасно знал немецкий и польский языки. В 1941 г. не отказался служить новой власти, а позже пытался бежать с отступавшими немцами, но был задержан и в ходе следствия признался в ненависти к советской власти, в частности к колхозной системе<sup>68</sup>.

В ряде случаев захватчики устраивали сход жителей деревни и предлагали им самостоятельно избрать старосту. Как следует из документов, люди старались выбрать того, кто обеспечил бы более или менее нормальные отношения с оккупационными властями. И вновь внимание привлекли бывшие пленные. Например, в Погорельском районе в декабре 1941 г. избрали 64-летнего колхозника, который в 1914–1918 гг. был в немецком плену, рассуждая так: «Ты знаешь немецкий язык, будешь как-нибудь работать, ты от немцев отболтаешься»<sup>69</sup>. Так люди пытались облегчить свою участь и фактически переключивали на кого-то из односельчан груз ответственности. Примечательно, что до того старостой в упомянутой деревне был бывший председатель колхоза, который ещё накануне прихода немцев провёл собрание, разделил лошадей и сказал, что теперь будет работать единолично.

Метод избрания старосты населением использовался только в первые месяцы продвижения германских войск по советской территории. Позднее, когда были организованы волостные управы и назначены волостные старшины – прежде всего по принципу лояльности к оккупационным властям и в основном по добровольному согласию, именно старшины занимались подбором лиц на пост старосты<sup>70</sup>. Сельские старосты сами назначали себе помощников (заместителя, иногда писаря), получали удостоверения на немецком языке и вознаграждение в размере от 300 до 450 руб. в месяц.

Совершенно очевидно, что значительная часть назначенных или избранных старост занимала должность не по своей воле. При этом далеко не всегда люди ясно представляли круг своих будущих обязанностей. Известно, что оккупанты, назначая человека против его желания, зачастую мотивировали свои действия необходимостью руководить уборкой урожая и его распределением среди населения, поддержанием элементарного порядка в деревне<sup>71</sup>. Некоторые не подозревали, что им придётся заниматься выявлением коммунистов, борьбой с партизанами и т.п.

Однако затем, «войдя в роль», представители новой администрации вели себя по-разному. Например, активно помогали новой власти в поимке её врагов. В Кировском районе 18 октября 1941 г. в лесу немцы расстреляли партизана А.М. Ни-

<sup>66</sup> ТЦДНИ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 29986-с. Л. 2.

<sup>67</sup> Там же. Д. 28666-с. Л. 2.

<sup>68</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 42.

<sup>69</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 31218-с. Л. 13 об.

<sup>70</sup> Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345. Л. 182.

<sup>71</sup> Там же.

канорова, но облаву устроили предатели – староста д. Зеленино, переводчик и др.<sup>72</sup> Известен целый ряд подобных примеров.

Среди старост и квартальных были те, кто, занимая эти должности, людям не навредили, «собственной инициативы не проявляли, насилия к жителям... не проявляли»<sup>73</sup>. Так, 60-летнему экономисту из г. Калинина, не эвакуировавшемуся из-за беременности дочери, дважды предлагали стать квартальным, и ему пришлось согласиться. Свои обязанности он описал так: учитывал дома, население, пустующие квартиры, следил за санитарным состоянием улиц. Выявлением коммунистов и евреев в действительности не занимался, хотя и должен был<sup>74</sup>.

При этом часть старост саботировала распоряжения немцев, помогала партизанам и бойцам Красной Армии. В воспоминаниях очевидцев описан случай, когда старостой немцы назначили 19-летнюю девушку за неимением более подходящих кандидатур. Несмотря на слёзы, она согласилась после того, как ей пригрозили оружием. Позднее девушка помогала партизанам: прятала оружие, укрывала бойцов, скрывала от фашистов продукты<sup>75</sup>.

В Торопецком районе бывший председатель колхоза, ставший старостой и вынужденный сдавать немцам зерно, сено, картофель, тёплую одежду и прочее, одновременно помогал советским военнослужащим, оказавшимся в тылу у немцев: давал продукты и ночлег<sup>76</sup>. В Старицком районе 54-летний председатель колхоза, член партии, согласился выполнять обязанности старосты, по его же признанию «боясь расстрела». Приказания немцев он выполнял беспрекословно, распространял немецкие газеты, хвалил немецкую армию, но в это же время около 45 дней скрывал красноармейцев, среди которых были комсомольцы и коммунисты, не выдал их, что подтвердили свидетели<sup>77</sup>.

В ряде случаев поведение отдельных людей оценить весьма сложно. Например, в Пеновском районе несколько месяцев распоряжения немцев выполнял бывший председатель колхоза, хотя старостой он не выбирался и не назначался. До прихода немцев руководитель не распределил между колхозниками зерно по трудодням, что вызвало недовольство, так как в результате оно досталось захватчикам. Он же показал оккупантам ямы с картофелем. При попытке объяснить эти поступки можно предположить, что зерно председатель не успел распределить, исключая столь быстрый приход врага, а картофельные ямы указал, опасаясь, что это сделает кто-то другой, и немцы накажут его и его семью, в которой было 5 детей. Когда же фашисты потребовали с его односельчан двух коров, попросил заменить их на 7 овец, по половине овцы с хозяйства. Немцы взяли только 4, а трёх он зарезал и разделил на всех жителей, чтобы избежать взаимных обид<sup>78</sup>.

Возвращаясь к вопросу о степени добровольности работы старосты или квартального, стоит заметить, что невозможно установить точно, какое количество людей работали по собственному желанию, а какой части пришлось подчиниться необходимости. Среди первых находились обиженные советской властью, возглавлявшие надежды на новый режим, а также потерявшие веру в саму возможность

<sup>72</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 75.

<sup>73</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 11465-с. Л. 26.

<sup>74</sup> Там же. Д. 29748-с. Л. 3.

<sup>75</sup> *Борисов И.С.* Покуда сердце бьётся. М., 1980. С. 173.

<sup>76</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 14798-с. Л. 20.

<sup>77</sup> Там же. Д. 12936-с. Л. 5, 6, 22.

<sup>78</sup> Там же. Д. 30656-с. Л. 7, 9, 16.

победы Красной армии. Но было немало случаев, когда люди соглашались на эти должности ради спасения своей семьи, пытаясь обеспечить элементарное выживание, или под давлением родственников и односельчан.

На оккупированных территориях немецкие власти ввели всеобщую трудовую повинность, и население выполняло оборонные, дорожные, сельскохозяйственные, лесозаготовительные и иные работы. Женщинам приходилось готовить на кухнях, стирать бельё, мыть полы, шить и ремонтировать одежду, в т. ч. маскхалаты и пр. Сами жители охотнее шли туда, где расплачивались продуктами. Например, в г. Калинин в ноябре 1941 г. некоторые работали на мельнице. Трудились с 9.00 до 14.00, за что получали по 2 ведра пшеницы. Такое вознаграждение привлекало людей, а зерно часто служило предметом для дальнейших обменов<sup>79</sup>.

При налаживании работы промышленных предприятий немцам потребовались квалифицированные кадры. Организаторы производства старались подыскать недовольных советской властью либо симпатизировавших Германии, но вне зависимости от этих обстоятельств восстановлением предприятий часто занимались их бывшие работники. Так, должность старшего инженера завода штампов «Имени 1 Мая» в Калинин при немцах занял 51-летний специалист по горячей обработке металлов, имевший высшее техническое образование. В 1932–33 гг. он три месяца провёл в командировке в Германии, а в 1937 и в 1941 гг. арестовывался по подозрению в шпионской деятельности. Осенью 1941 г. инженер восстанавливал заводские цеха, при приёме на работу выбирая людей, ранее трудившихся на предприятии. Однако по указанию управы евреев и коммунистов не брал, а уже работавших на тот момент уволил. Одновременно он выполнял обязанности коменданта дома № 86 по улице Советской, где находилась районная полиция и были расквартированы сотрудники гестапо.

Любопытно, что при отступлении немцев мужчина отказался бежать с ними, позднее объяснив этот поступок ссылками на мнение жены, которая считала, что ничего особенного он не совершил, да и некуда им ехать, а также на мнение своего коллеги, работавшего при немцах главным инженером и не уходившего с ними, так как «вины за собой» он не чувствовал<sup>80</sup>. Решение остаться кажется всё-таки странным с учётом двух довоенных арестов. Возможно, осознавая собственную ненужность в чужой стране, он рассчитывал оправдаться перед советской властью, утверждая на допросах, что на деле пытался затянуть налаживание завода и т. д.

Среди руководивших налаживанием производства на калининской фабрике им. Вагжанова был заведующий электроотделом при фабрике. Через нарочных он разыскивал работников фабрики и предлагал им выйти на работу<sup>81</sup>. В источниках зафиксировано, что группа кассиров крупных предприятий г. Калинина – вагонного завода, некоторых трестов – сознательно остались в оккупации, поступили на службу в городскую управу, заняв должности кассиров и счётных работников. При этом они действовали достаточно активно, выявляя и передавая денежные средства немецким властям<sup>82</sup>.

<sup>79</sup> От ЧК до ФСБ: Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края (1918–1998) / Ред. Г.П. Виноградов. Тверь, 1998. С. 241, 242; Нам выпало на долю. С. 143.

<sup>80</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25590-с. Л. 64, 65, 174, 190, 191.

<sup>81</sup> Там же. Д. 11864-с. Л. 6 об.

<sup>82</sup> ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345. Л. 164.

В Старицком районе работу льнозавода при немцах организовывала бывший заместитель директора завода, член бюро Старицкого РК ВЛКСМ, позже уехавшая с немцами<sup>83</sup>. С рабочими она обходилась бесцеремонно, перед отъездом участвовала в уничтожении завода. В г. Великие Луки директором промышленного комбината немцы назначили бывшего подполковника царской армии<sup>84</sup>.

Необходимо добавить, что во главе восстановленных предприятий, как правило, находились немцы. Эта норма особенно строго соблюдалась на стратегически важных объектах. Так, на железнодорожной станции в г. Невеле советские граждане служили только стрелочниками и чернорабочими<sup>85</sup>.

При попытке выяснить причины сотрудничества местных жителей с фашистами порой очень трудно установить подлинные мотивы, которыми руководствовался конкретный человек. Для некоторых самым важным оказалось сохранение результатов главного дела своей жизни при любом режиме. Именно это стало основным мотивом поведения 60-летнего инженера-технолога, руководителя химической лаборатории на калининской фабрике «Пролетарка». В 1920-е гг. он посылал в Германию, Францию и Англию свои научные работы по теоретической колористике, заслужившие положительные рецензии у профессионалов. В СССР его труды тоже получали высокие оценки, но так и не были изданы. В 1941 г. инженер не уехал из Калинина, а в день вступления противника в город пытался проникнуть в помещение своей лаборатории, чтобы спрятать от оккупантов приборы, рецептуру и рукописи. Его задержали и запретили входить в лабораторию. Тогда он решил получить пропуск от властей и с этой целью предложил бургомистру города использовать лабораторию для производства мыла и свечей. Оформившись на работу и имея пропуск, забрал остатки собственных рукописей и просил немцев заколотить дверь, опасаясь разгрома. При этом он, составляя список работников лаборатории на получение хлеба, включил в него дополнительно несколько специалистов, чтобы помочь им прокормиться.

Материалы уголовно-следственного дела руководителя лаборатории показывают, что он сумел сохранить лабораторию в условиях оккупации, но после освобождения г. Калинина от немцев её стали громить и растаскивать «частные лица», о чём инженер немедленно заявил в милицию. Даже после ареста он просил суд при любом приговоре создать ему условия для завершения работы, учитывая немолодой возраст и научные заслуги. Однако в итоге два неопубликованных тома его записей погибли, так как областной архив отказался их принимать от осуждённого. Их сдали в макулатуру<sup>86</sup>.

Кроме административного и экономического в зоне оккупации присутствовал особый вид коллаборационизма – бытовой. Немцам понадобились люди, которые занялись бы устройством быта и организацией развлекательных мероприятий. Как отмечалось выше, к решению таких вопросов привлекались старосты. Однако частую находились жители, изъявлявшие добровольное согласие услужить новой власти. Так, в Плоскошском районе 39-летний единоличник часто общался с немецкими офицерами, устраивал праздники, ездил вместе с ними на охоту. В качестве благодарности ему оставили корову<sup>87</sup>.

<sup>83</sup> ТЦДНИ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 23. Л. 20.

<sup>84</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 135.

<sup>85</sup> ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1154. Л. 140, 140 об.

<sup>86</sup> Там же. Ф. 7849. Д. 19286.

<sup>87</sup> Там же. Ф. 7849. Д. 29994-с. Л. 10, 12 об.

Анализ документов показывает, что организаторами развлечений являлись лица разного возраста, а вот непосредственное участие в них принимала прежде всего молодежь. Так, в Кировском районе колхозный кладовщик, бывший секретарь комсомольской организации, производил для новых хозяев самогон – непременный атрибут вечеринок. Другой комсомолец за сигареты обеспечивал на праздниках оккупантов музыку, сам играл на гармонии. В том же районе 16-летняя комсомолка, оставаясь в оккупации, работала в немецком штабе и открыто принимала ухаживания офицеров, на празднованиях Рождества и Нового года выступала с номерами художественной самодеятельности<sup>88</sup>.

Молодые парни и девушки часто совмещали работу на немцев с посещением вечеринок. 28-летняя женщина, член ВКП (б), работавшая директором Осташковского отделения межрайонного кинотеатра, была направлена советскими органами с заданием в тыл противника. Нанявшись на работу в немецкий штаб, стирала, мыла полы и заодно участвовала в гуляниях, рассудив, что «лучше работать на немцев, чем голодать в Осташкове» или выполнять задание, подвергаясь опасности<sup>89</sup>.

В г. Торопце немецкие солдаты устраивали вечера, куда приходила оставшаяся в городе молодежь<sup>90</sup>. В д. Кудино Торопецкого района с сентября 1941 г. в течение 5 месяцев находился немецкий санитарный парк, включавший госпиталь и другие учреждения. Местные девушки посещали вечера с присутствием военнослужащих вермахта, прогуливались с ними. Одна молодая женщина, работавшая у оккупантов и принимавшая их в своём доме, выдавала собственного пятилетнего сына за ребёнка брата, встречаясь с немцем, «так как была влюблена в немца, а он в меня», как она объяснила после на допросе<sup>91</sup>.

Описание весьма интересных эпизодов из повседневной жизни оккупированного Калинина содержит уголовно-следственное дело 41-летней заведующей начальной школой в Пролетарском районе города. До войны её семья жила в здании школы, но там расположился немецкий штаб, и их выселили в другой дом. Немцы общались с женщиной, выясняя у неё различные сведения, например, чему учат в СССР на уроках географии и истории<sup>92</sup>.

В первые дни оккупации немцы собрали оставшихся жителей улицы в помещении штаба и заставили петь русские песни. Услышав, что люди знают только советские, велели петь их, и тогда прозвучали «Катюша», «Комсомольская» и даже пионерские песни. Позднее по просьбе немцев заведующая школой привела в штаб нескольких девушек, которые пели и плясали под гармонию. Во второй раз девушки пошли сами, но там уже присутствовали другие с Ворошиловки (закрепившееся среди жителей название одного из окраинных районов г. Калинина. – Л.Б.). В третий раз они посетили штаб вновь по приглашению немцев, при этом танцевали танго, фокстрот и другие танцы. Из материалов дела не совсем понятна роль посредницы: возможно, она лишь сопровождала девушек по их желанию или же активно организовывала встречи. Сама женщина привела в пример случай, когда немцы попросили её сходить за конкретной девушкой, которая хорошо плясала и была согласна прийти, но её не пускал отец. Посредница привела девушку. Случи-

<sup>88</sup> Там же. Ф. 434. Оп. 2. Д. 23. Л. 297, 298.

<sup>89</sup> Там же. Ф. 432. Оп. 3. Д. 15. Л. 7.

<sup>90</sup> Там же. Ф. 7849. Д. 13194-с. Л. 5.

<sup>91</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 109.

<sup>92</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25732-с. Л. 7, 8.

лось так, что позже в доме этой же девушки немецкие солдаты взяли вещи, и они с отцом пришли в штаб жаловаться. Заведующая школой отреагировала на это так: «Как дочь в штаб пустить, так нельзя, а теперь и штаб понадобился»<sup>93</sup>.

Известно, что в г. Зубцове в феврале 1942 г. немецкие власти организовали театральную школу, в которой занимались 18 человек в возрасте 18–23 лет. Возглавлял школу 60-летний уроженец Ленинграда, сын бывшего купца, имевший высшее образование, а художественными руководителями являлись артистка Ржевского театра и артист Калининского драматического театра. Участники школы проводили концерты для сотрудников комендатуры, полиции, в немецких госпиталях, и даже выезжали на передовую выступать перед солдатами. В репертуаре значились балетные номера, цыганские романсы, саратовские частушки, песни из кинофильма «Волга-Волга», а также «Метелица», «Стенька Разин», «Вот мчится тройка», «Вниз по матушке Волге», «Эй, дубинушка, ухнем», «Калинка» и др.<sup>94</sup>

Одной из форм коллаборационизма можно считать обращение за помощью в немецкие органы управления. Среди обращавшихся были те, кто воспользовались условиями оккупации и помощью немцев, чтобы свести старые счёты с недоброжелателями. Так, несколько жителей Луковниковского района подали коллективное заявление в немецкий штаб на семью коммуниста Павлова, обвинив её в связи с партизанами. Там же 49-летняя женщина, ранее работавшая уборщицей в райисполкоме, подала немцам целый список с фамилиями 45 коммунистов, 5 из которых оказались не эвакуированы и были расстреляны<sup>95</sup>. В Зубцовском районе предателем стал 28-летний тракторист, награждённый золотой медалью на сельскохозяйственной выставке, член ВКП (б) и Калининского областного совета депутатов трудящихся. Обласканный советской властью, этот человек при немцах активно изобличал коммунистов, разъезжая с карательным отрядом<sup>96</sup>.

Некоторые хотели выслужиться перед новой властью или извлечь какую-либо выгоду из создавшихся обстоятельств. В Великолукском районе местная жительница помогла полицейским выкопать зарытый двумя молодыми женщинами в поле за домом чемодан с политической литературой, принадлежащий мужу одной из них<sup>97</sup>. В Луковниковском районе 48-летняя женщина выдала 17-летнего парня, хранившего 4 винтовки, за что немцы огородили могилу её мужа и поставили на ней крест<sup>98</sup>.

Часто причиной для обращений к оккупационным властям являлась проблема с жильём. В городах жители добивались у комендантов домов разрешений занять пустые комнаты вследствие отсутствия или повреждения своего жилища<sup>99</sup>. Находились желающие улучшить свои жилищные условия при помощи новой власти за счет квартир, оставшихся без хозяев. Нередко просили разрешения вселиться в квартиры, занимаемые до войны коммунистами<sup>100</sup>. Например, в г. Калинин к коменданту дома поступило заявление от женщины, имеющей 5 детей, проживавшей

<sup>93</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25732-с. Л. 28.

<sup>94</sup> Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 351. Л. 61.

<sup>95</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 42, 43.

<sup>96</sup> ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 351. Л. 60.

<sup>97</sup> Вспоминая былые походы...: Очерки, рассказы, воспоминания бывших партизан. Тверь, 2001. С. 85.

<sup>98</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 42.

<sup>99</sup> Нам выпало на долю... С. 143.

<sup>100</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849, Д. 19286-с. Л. 51.



до войны «в тёмном сыром подвале», с просьбой позволить ей и далее жить в квартире, куда семья въехала после эвакуации хозяев. В данном помещении ранее проживали работники НКВД, и в заявлении автор указывает их фамилии. Ордер ей был выдан<sup>101</sup>.

Рассматривая поведение этой жительницы областного центра, следует принять во внимание тяжёлые условия жизни и возможную несправедливость советской власти по отношению к её семье. В то же время известен ряд случаев, когда подобные поступки трудно оправдать сложными жизненными обстоятельствами. Так, 19-летний парень, поступив служить кварталным в Калинин, просил разрешения вселиться по конкретному адресу в городе, где ранее жили коммунисты<sup>102</sup>.

Порой стремление сохранить жизни своих близких заставляло людей искать помощи у представителей новой власти. В Погорельском районе зимой 1941 г. со двора женщины, у которой было 7 детей, немцы взяли корову на мясо. Крестьянка пошла к старосте и со слезами напомнила, что в деревне есть семьи всего из двух человек, после чего забрали корову у одного из названных семейств<sup>103</sup>. Таким образом, пострадали другие люди, но трудно судить, как должна была поступить мать в сложившемся положении. На тот момент немцы, исполнив просьбу, дали возможность женщине прокормить детей.

Некоторые решались обратиться за помощью к оккупационным властям после того, как те демонстративно проявляли намерение поддерживать порядок. Например, в г. Калинин были случаи расстрелов местных жителей за мародёрство, о чем становилось известно окружающим<sup>104</sup>.

3 ноября 1941 г. к немецким властям обратилась жительница города. Ночью к ней в дом пытались ворваться двое неизвестных, назвавшихся сотрудниками НКВД, но жильцы оказали сопротивление. «Ночные гости» оказались мародерами, которые грабили пустовавшие дома и квартиры. Они были арестованы и повешены на городской площади через два дня<sup>105</sup>.

Следует подчеркнуть, что значительное число граждан в оккупированной зоне в какой-либо форме взаимодействовало с новой властью исключительно по причине страха за собственную жизнь и жизни близких людей. Согласно данным исследований, на оккупированной территории СССР немецкие войска действовали с особой жестокостью<sup>106</sup>, и люди быстро начинали понимать, что опасность подстерегает их буквально на каждом шагу. Известны многочисленные случаи расправ с гражданским населением в районах Калининской области. В д. Даниловское Калининского района фашисты убили 12-летнего мальчика только за то, что обнаружили в его комнате красноармейский ремень, а в с. Иванцово солдаты выбросили на мороз грудных детей за их плач. В д. Курияново Ржевского района немцы, войдя в дом, спросили у 2-летнего мальчика по-русски, где отец. Услышав в ответ, что папка бьёт фашистов, захватчики подняли ребёнка и бросили на пол, после чего он умер<sup>107</sup>. В Зубцовском районе оккупанты увидели в доме портрет сына хозяина жилища, командира Красной армии, после чего сломали мебель, отобрали

<sup>101</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 13а. Л. 90.

<sup>102</sup> Там же. Л. 142, 143.

<sup>103</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 31218-с. Л. 13 об.

<sup>104</sup> Из личного архива автора. Воспоминания В.И. Разыграевой. С. 3.

<sup>105</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 3238-с.

<sup>106</sup> Верт Н. Террор и порядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 314.

<sup>107</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 17, 61, 106.

все продукты и кур, одежду, обувь; муку и зерно перемешали с навозом, выбили в доме рамы и устроили туалет<sup>108</sup>.

В документах зафиксированы факты насилия над женщинами, жертвы которого иногда погибали. Так, в Зубцовском районе «большинство немцев принуждало или склоняло женщин и девушек сожительствовать с ними. Заражая венерическими болезнями, потом сваливали вину на них и расстреливали». В Калининском районе женщину, пытавшуюся защитить свою 20-летнюю дочь от изнасилования, убил немецкий солдат, и её труп некоторое время валялся в помойной яме<sup>109</sup>.

Особенно много зверств происходило во время отступления фашистов из занятых ранее районов. Например, в Бурашевском сельсовете Калининского района 19 декабря 1942 г. немцы зажгли деревню и бросили в огонь живыми трёх старух за то, что они упрашивали не жечь их дома – ведь остаться зимой без жилья также грозило смертью<sup>110</sup>.

Трагично сложились судьбы еврейской части населения области. Для евреев и полуевреев, начиная с 10-летнего (по другим данным, с 12-летнего) возраста было установлено ношение белой повязки с изображением звезды из желтой материи. Не имевшие отличительного знака штрафовались в сумме до 100 руб. Местами вводился особый режим, по которому евреи должны были находиться в домах с 18.00 до 7.00. Запрещалось принимать их на работы, связанные с выполнением заказов для армии, а использовать можно было только на черновых работах под строгим наблюдением. Для евреев существовали более низкие нормы выдачи продуктов<sup>111</sup>. Среди рядовых граждан и полицейских находились те, кто указывали на евреев, а после расстрелов забирали себе имущество казнённых, перепродавали его, причём покупатели знали о происхождении вещей<sup>112</sup>.

В связи с наступлением Красной армии в 1941 г. множество евреев, проживавших в западных районах области, было уничтожено фашистами. В г. Торопце евреев переселили в бараки льнозавода и в начале декабря расстреляли, предварительно разграбив. В Невельском районе все еврейское население собрали в местечке «Голубая дача» и в январе 1942 г. после издевательств расстреляли. В Себежском районе тогда же казнили до 400 евреев. В расстреле под руководством немцев принимала участие местная полиция<sup>113</sup>. 2 февраля 1942 г. в пос. Локня расстреляли 37 евреев<sup>114</sup>. Среди них находился мальчик, притворившийся мёртвым и сумевший после выбраться из засыпанной землей ямы.

Представляется важным отметить, что в жилищах, где хозяева вынуждены были существовать вместе с вселившимися немцами, взаимоотношения между ними развивались совершенно по-разному. Чаще всего оккупанты вели себя грубо и агрессивно, забирали продукты, вещи, постоянно отдавали различные распоряжения. Встречающиеся в кинофильмах о войне кадры прихода фашистов в деревни, когда они тут же начинают ловить кур и упорно искать продукты, не вымысел и не художественное преувеличение. В действительности часто всё выглядело именно так. Слабым утешением для калининцев было то, что в квартиры, на две-

<sup>108</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 63.

<sup>109</sup> Там же. Л. 61, 131.

<sup>110</sup> Там же. Л. 61 об.

<sup>111</sup> Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

<sup>112</sup> Там же. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 147, 148.

<sup>113</sup> Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 8; Оп. 150. Д. 21. Л. 146.

<sup>114</sup> Там же. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 2, 86.

рях которых висела табличка с немецкой фамилией, меньше врывались полицейские и представители других немецких служб. Нередко хозяевам приходилось покидать свои жилища, в лучшем случае они подсалялись к соседям.

Жители оккупированных районов смогли убедиться на деле, чего стоят обещания завоевателей. По словам побывавшей в оккупации женщины, все заявления немцев о том, что «мы не грабить вас пришли, а освободить от гнёта», дать свободу и т. д., совершенно не соответствовали поведению, так как отбирали они буквально все. Поэтому после освобождения от оккупации в ходу были такие остроуты, как «немцу пайка – млеко да яйка» или «немец нюхал – сиди с пустым брюхом»<sup>115</sup>.

Случалось и так, что немецкие военнослужащие вели себя вежливо по отношению к хозяевам, расплачиваясь за помощь по хозяйству хлебом, конфетами, сигаретами и даже вступаясь за них перед представителями властей<sup>116</sup>. Известные из документов факты подобного отношения к жителям показывают, что чаще немцы проявляли жалость к детям. Например, в воспоминаниях жительницы Ржевского района А.П. Колтушкиной, пережившей оккупацию, есть рассказ о том, как живший в их доме врач обратил внимание на плач её новорожденной дочери, у которой была пупковая грыжа. Установив причину беспокойства ребенка, он предложил помощь, и хотя инструментов для операции не нашлось, в течение 6 недель вылечил девочку<sup>117</sup>.

Когда в августе 1942 г. в г. Ржеве немецкие солдаты пришли копать картофель на огород к одной женщине, она со слезами послала к ним своих детей. Солдаты ушли, видимо, сжалившись над семьей<sup>118</sup>. В домах, где они жили, немцы иногда играли с детьми, дарили им конфеты<sup>119</sup>. В Высоковском районе 16-летний подросток так сдружился с офицером вермахта, что в знак дружбы они обменялись фотографиями, и немец обещал приехать к нему летом в гости<sup>120</sup>.

В воспоминаниях сохранился любопытный эпизод. В доме жительницы г. Калинина по имени Анна разместился немецкий военнослужащий, который, едва заподозрив близкое отступление из города, собрал свои вещи, взяв и приглянувшийся хозяйский самовар. Женщина не захотела расстаться с самоваром, и какое-то время они тянули его за ручки в разные стороны. В результате вещь осталась в доме, а немец с ругательствами ушёл, не причинив вреда хозяйке. Возможно, очень торопился или был удивлён столь решительным отпором, хотя ясно, что мог быстро расправиться с женщиной. Более того, через некоторое время он вернулся снова к ней жить, причём с гостинцами, как бы в знак примирения, и оставался на квартире до момента ухода захватчиков из города<sup>121</sup>.

Иногда немцы проявляли сочувствие не только по отношению к русским возлюбленным или жильцам домов, в которые вселились, но и к случайно встреченным людям. В мемуарах описан случай, когда немецкий военнослужащий помог сестре в поезд и перенести узлы женщинам, отправившимся для обмена продуктов

<sup>115</sup> Войны кровавые цветы: Устные рассказы Великой Отечественной войны / Сост. А.В. Гончарова. Калинин, 1974. С. 259.

<sup>116</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 25578-с. Л. 13, 15.

<sup>117</sup> Никто не создан для войны... С. 61, 62.

<sup>118</sup> Нам выпало на долю... С. 160.

<sup>119</sup> Социальные аспекты... С. 186.

<sup>120</sup> ТЦДНИ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 23. Л. 22.

<sup>121</sup> Из личного архива автора. Воспоминания Р.В. Овсянниковой. С. 3, 9.

на вещи – их называли «менщиками». При этом он отказался взять продукты в благодарность за оказанную услугу<sup>122</sup>. В архивных источниках сохранилось свидетельство о том, как при отступлении оккупантов из Емельяновского района немецкий офицер приказывал, чтобы жители шли в направлении г. Старица, но, когда он вышел, немецкий солдат посоветовал им не ходить туда, так как там «ничего хорошего не будет», и тем самым спас их жизни<sup>123</sup>.

Во время оккупации некоторые молодые женщины добровольно вступали в открытую связь с оккупантами, получая от них в качестве подарков продукты, часто шоколад и конфеты, украшения, часы, иные вещи или деньги<sup>124</sup>. В Высоковском, Луковниковском, Идрицком и других районах были случаи вступления в официальный брак с военнослужащими вермахта<sup>125</sup>, иные из них при отступлении уехали вместе со своими мужьями. О таких примерах рассказала в воспоминаниях Н.В. Комарова, проживавшая в 1941 г. в г. Идрице. После того как в июле 1941 г. в город вошли германские войска, несколько девушек вышли замуж за немецких офицеров. Обстоятельства сложились так, что автору мемуаров пришлось обратиться за помощью к одной из них, бывшей школьной знакомой. Необходимо было выручать 17-летнего племянника Комаровой, арестованного за то, что открыл вентили и вылил бензин из ёмкостей на немецком аэродроме. Примечательно, что школьная знакомая не отказала, посоветовалась с мужем (!) и нашла способ помочь парню, который после ушёл к партизанам<sup>126</sup>.

Известно, что из оккупированных районов часть коренных жителей выехали в Германию, причём некоторые поехали добровольно, поддавшись на настойчивые уговоры нацистской пропаганды, пытаясь избежать наказания за сотрудничество с немцами после их отступления<sup>127</sup>. В 1942 г. люди в оккупированных сёлах соглашались выехать на работы в Германию из-за голода<sup>128</sup>. Другую часть советских граждан вывезли в Германию насильно.

Изучение документов позволяет утверждать, что через некоторое время после начала оккупации у подавляющего большинства местных жителей мнение о захватчиках оказалось сугубо отрицательным. Испытав на собственном опыте, что значат новые порядки, «даже те люди, которые в своё время желали немцев, проклинают их...»<sup>129</sup>. Появилась поговорка «Кто немцев не видал – тот и горя не знал», которая прямо указывала на немцев как источник бед и несчастий<sup>130</sup>. Измученные оккупацией калининцы хотели, чтобы «скорее выгнали этого проклятого, вшивого паразита из нашего города»<sup>131</sup>. Перед отступлением немцев из г. Ржева, по воспоминаниям очевидцев, оккупанты вели себя грубее, перестали расплачиваться на рынках – товары брали, а марок не давали<sup>132</sup>.

<sup>122</sup> Никто не создан для войны... С. 62.

<sup>123</sup> Государственный архив Тверской области. Ф. 2691. Оп. 1. Д. 240. Л. 11.

<sup>124</sup> ТЦДНИ. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1883; Ф. 434. Оп. 2. Д. 23. Л. 315.

<sup>125</sup> Там же. Ф. 434. Оп. 2. Д. 23. Л. 22; Д. 60. Л. 31.

<sup>126</sup> Вспоминая былые походы... С. 20, 21.

<sup>127</sup> ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 26202-с. Л. 11.

<sup>128</sup> АУ ФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

<sup>129</sup> Там же. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 64, 65.

<sup>130</sup> Там же. Л. 29.

<sup>131</sup> Там же. Л. 70 об.

<sup>132</sup> Нам выпало на долю... С. 162, 164.

Жители освобождённых районов встречали советские войска с радостью, иногда переходящей в ликование. Многие плакали, рассказывали тут же о жизни при фашистах. Бойцам дарили уцелевшие валенки и другие теплые вещи<sup>133</sup>. Большинство выражало намерение в будущем всячески избегать оккупации. Например, в январе 1942 г. жители уже освобождённого Коростелевского и некоторых других сельсоветов Ржевского района в момент прорыва обороны Красной Армии почти все подготовились к эвакуации, заявив, что они больше не останутся при немцах, а станут отходить с советскими войсками, если враг не будет остановлен<sup>134</sup>.

Вместе с тем даже после реального знакомства с немецкими порядками встречались жители, в представлениях которых немцы оставались культурными людьми, в сравнении с которыми красноармейцы проигрывали. Такое мнение открыто высказала 20-летняя жительница Новоторжского района, во время оккупации в г. Калинин сожительствовавшая с немецким офицером, а после вернувшаяся в родные места<sup>135</sup>. Подобное сравнение немецких и советских солдат сделала 72-летняя женщина, назвавшая красноармейцев «некультурными и грязными»<sup>136</sup>.

Словом, изучение жизни населения в оккупированных районах показывает, что на этой территории Калининской области в 1941–1944 гг. присутствовали разнообразные формы коллаборационизма, в том числе бытовой, экономической, административный, военный. Причины его возникновения – страх перед издевательствами, принуждение, стремление спасти жизни близких и собственную жизнь, голод, а также желание выслужиться перед новой властью, получение материальных благ и сведение счётов. Среди сотрудничавших добровольно из карьеристских соображений были представители самых разных социальных групп, в том числе коммунисты и комсомольцы.

Опыт жизни в оккупации привёл к разочарованию даже тех, кто ранее связывал надежды на социально-экономические изменения с приходом немцев. Результатом репрессивной оккупационной политики стало то, что население убедилось в неприемлемости подобного режима и укрепилось во мнении, что нужно сделать все возможное для освобождения от захватчиков.

#### Литература:

- Борисов И.С.* Покуда сердце бьётся. М., 1980.
- Бычков Л.Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1965.
- Верт Н.* Террор и порядок. Сталинизм как система. М., 2010.
- Гриднев В.М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944. М., 1976.
- Ермолов И.Г.* Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. Вып. 2. С. 86–95.
- Ермолов И.Г.* Органы самоуправления на оккупированных территориях РСФСР // Российская история. 2009. № 1. С. 133–140.

<sup>133</sup> АУ ФСБТО. Ф. 2. Оп. 150. Д. 21. Л. 70 об., 99 об.

<sup>134</sup> Там же. Л. 68.

<sup>135</sup> ТЦДНИ. Ф. 431. Оп. 2. Д. 604. Л. 8.

<sup>136</sup> Там же. Л. 5, 6.

- Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970.
- Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург». О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированных территориях СССР. М., 1980.
- Залесский А.И.* В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941–1944 гг.) М., 1962.
- Залесский А.И.* Героический подвиг миллионов в тылу врага. Помощь населения партизанских зон народным мстителям. Минск, 1970.
- Ивлев И.А., Юденков А.Ф.* Оружие контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР, 1941–1944 гг. М., 1988.
- Ковалёв Б.Н.* Нацистская оккупационная политика и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004.
- Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- Смирнов В.И.* Подвиг советского крестьянства. М., 1976.
- Соколов Б.В.* Цена Победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991.
- Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.
- Юденков А.Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944). М., 1971.

---

*L.A. Bolokina*

**EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION OF KALININ REGION  
DURING OCCUPATION IN 1941–1944**

**Summary**

The article is devoted to the analysis of the everyday life of the people of the occupied areas in Kalinin region in 1941–1944. The article contains the data about the behavior of invaders and inhabitants of Kalinin region. The author shows different kinds of collaboration in the occupied areas and reveals social composition of the collaborators.

Keywords: war, collaboration, headquarters, occupation, everyday life, headman.

---